

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Поярков С.Ю. Адаптивный конституционализм в условиях миграционной трансформации: вызовы национальной идентичности и институциональные стратегии адаптации // Юридические исследования. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.10.76156 EDN: ECUUBY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76156

Адаптивный конституционализм в условиях миграционной трансформации: вызовы национальной идентичности и институциональные стратегии адаптации

Поярков Сергей Юрьевич

кандидат педагогических наук

Ученый секретарь; ФГУП "Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений"

140570, Россия, Московская область, пгт. Менделеево, промзона ВНИИФТРИ, 11

✉ psu70@bk.ru

[Статья из рубрики "Трансформация правовых систем"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.10.76156

EDN:

ECUUBY

Дата направления статьи в редакцию:

06-10-2025

Аннотация: Современные миграционные процессы представляют собой не только демографический, но и глубокий конституционно-правовой вызов, ставя под вопрос традиционные представления о национальной идентичности, суверенитете и правовом статусе личности. В условиях роста численности и качественной трансформации миграционных потоков классическая модель конституционализма, основанная на гомогенности правового сообщества, теряет свою адекватность. Особенно остро эта проблема проявляется в государствах с недавно реконструированными конституционными системами, где процессы госстроительства и оформления идентичности протекают параллельно с интенсивной миграцией. Возникающее напряжение между универалистскими нормами международного права и национальными конституционными устоями требует переосмысления роли конституции как инструмента управления социальной сложностью. Предметом исследования

выступает содержание, функции и институциональные проявления адаптивного конституционализма в контексте миграционной трансформации, включая его потенциал как теоретико-нормативного ответа на вызовы национальной идентичности. Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, объединяющий конституционно-правовой и сравнительно-правовой анализ. Используются также методы системного анализа нормативных актов и судебной практики, а также сравнительного изучения международных и региональных стандартов в области миграции. Научная новизна работы заключается в системном развитии концепта «адаптивного конституционализма» в российской и международной доктрине как динамической модели, способной к институциональной и содержательной эволюции под воздействием миграционных вызовов. В отличие от традиционных подходов, рассматривающих конституцию как статичный документ, предложенная модель акцентирует её диалогичность, гибкость толкования и ориентацию на включение неграждан в правовое сообщество. Исследование вносит вклад в теорию правовой идентичности, интегрируя её с миграционным правом и конституционной теорией, что особенно актуально для постсоветского пространства. Выявлено, что успешная адаптация конституционных систем к миграции невозможна без баланса между правами мигрантов и сохранением конституционного ядра, а также без институционализации требований «конституционной лояльности». Наиболее эффективными являются стратегии, сочетающие инклюзивность с чёткими правовыми рамками, как в канадской модели мультикультурализма или германской модели конституционного патриотизма. В российском контексте отмечается недостаточная разработанность механизмов реальной интеграции и риск инструментализации конституционной идентичности в целях легитимации ограничительной миграционной политики.

Ключевые слова:

адаптивный конституционализм, миграционная трансформация, национальная идентичность, конституционная идентичность, конституционная лояльность, правовой плюрализм, интеграция мигрантов, конституционный патриотизм, мультикультурализм, правовой статус мигрантов

Введение

Современные миграционные процессы представляют собой не просто демографическое явление, но фундаментальный вызов традиционным конституционным парадигмам, основанным на предпосылке гомогенности национального правового и культурного пространства. Глобализация, вооружённые конфликты, экономическая нестабильность и климатические кризисы порождают беспрецедентные по масштабу перемещения населения, которые трансформируют не только социальную и этническую структуру принимающих государств, но и само понимание суверенитета, гражданства и правового статуса личности. В этих условиях всё более очевидным становится напряжение между универсалистскими нормами международного права, закрепляющими права мигрантов как неотъемлемую часть прав человека, и национальными конституционными устоями, ориентированными на защиту исторически сложившихся ценностей, идентичности и общественного порядка. В этой связи конституция перестаёт быть исключительно внутренним актом государства и вступает в диалог с транснациональными правовыми

реальностями, что требует переосмысления её роли как инструмента не только легитимации власти, но и управления социальной сложностью. Эта дилемма особенно остро проявляется в государствах с недавно сформированными или реконструированными конституционными системами, где процесс конституционного оформления национальной идентичности ещё не завершён, а миграционное давление оказывает прямое влияние на политическую стабильность и правовую культуру.

Актуальность темы обусловлена не только ростом численности мигрантов, но и качественным изменением характера миграции: всё чаще речь идёт о длительных или постоянных перемещениях, сопровождающихся запросами на интеграцию, признание культурных особенностей и участие в общественной жизни. В такой ситуации классический конституционализм, основанный на идее «народа как единого носителя суверенитета», сталкивается с необходимостью инкорпорировать в правовую систему субъектов, не обладающих формальным гражданством, но де-факто участвующих в социальных и экономических процессах. Как подчёркивает немецкий конституционалист D. Grimm, конституция больше не может рассматриваться как замкнутая система, защищающая внутреннюю стабильность от внешних угроз; она должна стать инструментом регуляции взаимодействия между внутренним и внешним ^[11]. Эта трансформация требует не просто технической адаптации норм, но концептуального пересмотра основ конституционной теории, включая категории народного суверенитета, правового статуса личности и пределов правового плюрализма.

Научная новизна настоящего исследования заключается в системном развитии в российской и международной конституционно-правовой доктрине концепта «адаптивного конституционализма» как теоретико-нормативного ответа на вызовы, порождаемые, в том числе, и миграционной трансформацией. В отличие от традиционных подходов, рассматривающих конституцию как статичный документ, фиксирующий раз и навсегда установленный общественный договор, адаптивный конституционализм понимается как динамическая модель, способная к институциональной и содержательной эволюции под воздействием внешних и внутренних факторов, включая миграционные потоки ^[12]. В российской доктрине подобный подход до сих пор не получил достаточного теоретического обоснования, несмотря на очевидную практическую потребность в нём, особенно в контексте масштабной трудовой миграции из стран СНГ и растущих социальных трений в полиэтнических регионах. Исследование также вносит вклад в развитие теории правовой идентичности, интегрируя её с миграционным правом и конституционной теорией, что особенно актуально для постсоветского пространства, где процессы нациестроительства и конституционного оформления идентичности протекают параллельно с интенсивными миграционными обмена.

Цель статьи состоит в выявлении содержания, функций и институциональных проявлений адаптивного конституционализма в условиях миграционной трансформации. Для достижения этой цели формулируются следующие задачи: во-первых, определить сущность и эволюцию адаптивного конституционализма как конституционно-правовой категории, выделив его отличия от смежных понятий, таких как «живая конституция» или «эволюционный конституционализм»; во-вторых, проанализировать влияние миграции на формирование и репродукцию национальной и конституционной идентичности, включая роль конституционных судов в интерпретации ценностного ядра; в-третьих, выявить

институциональные стратегии адаптации конституционных систем к миграционным вызовам, сопоставив опыт России, государств Европейского союза и отдельных национальных правопорядков (в частности, Германии и Франции); в-четвёртых, сформулировать теоретико-практические рекомендации по обеспечению баланса между правами мигрантов и сохранением конституционного ядра, опираясь на анализ судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского суда по правам человека и национальных конституционных судов.

Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, объединяющий конституционно-правовой анализ, сравнительно-правовой метод, элементы социологического исследования правосознания и доктринальную интерпретацию. Кроме того, используется анализ международных и региональных стандартов в области миграции, включая Международную конвенцию о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (1990), Европейскую миграционную повестку и региональные соглашения в рамках СНГ. Такой комплексный подход позволяет не только выявить общие тенденции, но и учесть специфику правовых культур, что особенно важно при рассмотрении вопросов, затрагивающих основы национальной идентичности и суверенитета.

Адаптивный конституционализм: теоретические основания и эволюция концепта

Классический конституционализм, сформировавшийся в эпоху Просвещения и закрепившийся в правовых системах XIX–XX веков, строился на трёх фундаментальных постулатах: стабильности конституционного текста как высшей формы выражения воли нации, иерархической структуре правовой системы с конституцией на её вершине и национальном суверенитете как исключительном источнике легитимности правопорядка. В рамках этой модели конституция выступала не просто юридическим актом, но символом национального единства, закрепляющим исторически сложившиеся ценности и определяющим границы правового сообщества. Как подчёркивал С. Schmitt, конституция есть выражение политического единства народа [\[3, с.79\]](#), а её нормы призваны защищать это единство от внутренних и внешних дестабилизирующих факторов. Такой подход предполагал чёткое разграничение между «своими» и «чужими», где правовой статус последних, включая мигрантов, ограничивался минимальными гарантиями, предусмотренными международным правом, но не включал их в конституционное тело на равных основаниях.

Однако с конца XX века эта модель столкнулась с системным кризисом, вызванным глобализацией, трансграничной мобильностью населения и ростом культурного плюрализма. Миграционные потоки перестали быть эпизодическими и начали оказывать структурное влияние на демографический состав, социальные практики и правосознание принимающих обществ. В этих условиях закрытая конституционная модель, ориентированная на гомогенность и статичность, оказалась неспособной адекватно реагировать на вызовы, связанные с необходимостью интеграции социально и культурно разнородных групп без размывания конституционных основ. При этом следует признать, что традиционная концепция народного суверенитета, основанная на идее моноэтнической или моноидентичной нации, теряет свою эмпирическую обоснованность

в условиях полиэтнической и поликонфессиональной реальности современных государств.

В ответ на эти вызовы в доктрине и судебной практике всё чаще возникает потребность в новой концептуальной модели, способной сочетать устойчивость конституционного ядра с гибкостью его интерпретации и применения. Именно в этом контексте формируется идея адаптивного конституционализма — как открытой, рефлексивной и диалогичной системы, способной к институциональному самообновлению без утраты своей идентичности. В отличие от классического подхода, который рассматривает конституцию как неподвижный фундамент, адаптивный конституционализм понимает её как динамическую структуру, постоянно взаимодействующую с изменяющейся социальной средой. Эта модель не отрицает суверенитет или иерархию, но переосмысливает их через призму включения и взаимодействия. Как отмечает канадский конституционалист D. Dyzenhaus, современная конституция должна быть способна не только защищать, но и трансформироваться — не в угоду политической конъюнктуры, а в ответ на глубинные социальные изменения (включая миграцию) [\[4\]](#). Следовательно, конституционная система должна обладать способностью к «социальной ассимиляции» новых групп, не теряя при этом своей нормативной целостности. Такое понимание позволяет преодолеть ложную альтернативу между «жёсткой» защитой национальных ценностей и «мягким» уступательством универсалистским требованиям, предлагая вместо этого механизм сбалансированной адаптации.

Содержание адаптивного конституционализма раскрывается через совокупность его признаков, которые отличают его от других моделей конституционного развития. Прежде всего, это гибкость интерпретации конституционных норм, которая не сводится к произвольному толкованию, а осуществляется в рамках строгой правовой методологии, учитывающей как внутреннюю систему конституции, так и внешние правовые обязательства государства. Вторым признаком — диалогичность, то есть способность конституционной системы вступать в конструктивное взаимодействие с международными, наднациональными и даже негосударственными нормативными системами. Эта черта особенно ярко проявляется в практике Европейского суда по правам человека, который, как показывает анализ решений по делам «Hirsi Jamaa and Others v. Italy» (2012) и «M.S.S. v. Belgium and Greece» (2011), последовательно расширяет сферу применения прав мигрантов, требуя от государств-участников Конвенции учитывать гуманитарные аспекты миграционной политики. Третий признак — ориентация на включение, а не только на исключение. В отличие от традиционных моделей, где мигранты рассматриваются как временные «гости» или «угроза», адаптивный конституционализм признаёт их как субъектов правового порядка, чьё участие в общественной жизни может быть институционализировано через механизмы локального самоуправления, трудового права или культурной автономии. Наконец, четвёртый признак — институциональная способность к самообновлению без утраты идентичности. Это означает, что изменения в конституционной практике не должны подрывать основополагающие ценности, такие как верховенство права, недопустимость дискриминации или защита человеческого достоинства, но могут модифицировать способы их реализации в зависимости от социального контекста.

Адаптивный конституционализм тесно связан с рядом смежных концептов, однако

обладает собственной теоретической спецификой. Так, концепция «живой конституции», разработанная в американской доктрине (в частности, О. W. Holmes и позднее L. Tribe [5]), делает акцент на эволюции смысла конституционных норм через судебное толкование, но не всегда учитывает внешние (международные) источники правовой трансформации. Адаптивный конституционализм, напротив, включает в себя не только внутреннюю эволюцию, но и реакцию на транснациональные вызовы. Конституционный плюрализм, развиваемый такими авторами, как N. Walker [6] и M. Kumm [7], подчёркивает сосуществование множества правовых порядков, но не всегда предлагает механизмы их согласования на уровне национальной конституции. Адаптивный подход, в свою очередь, стремится к интеграции плюрализма в единую, хотя и гибкую, конституционную систему. Глобальный конституционализм, предложенный A. Peters [8], фокусируется на взаимодействии конституций разных государств, тогда как адаптивный конституционализм ориентирован преимущественно на внутреннюю трансформацию национальной конституции под влиянием внешних факторов. Таким образом, концепция адаптивного конституционализма позволяет преодолеть дихотомию между универсализмом прав человека и национальным суверенитетом, предлагая не компромисс, а синтез через гибкие механизмы правового регулирования, сохраняющие конституционное ядро, но допускающие дифференцированные формы участия неграждан в правовой жизни.

Миграционная трансформация как вызов национальной и конституционной идентичности

Миграция перестала быть лишь фактором трудового рынка или демографической компенсации и превратилась в мощный агент правовой и социальной трансформации, непосредственно воздействующий на структуру конституционного порядка. Современные миграционные потоки, особенно из стран с иными культурными, религиозными и правовыми традициями, порождают глубокие изменения в демографическом составе общества, что влечёт за собой трансформацию социальных норм, повседневных практик и, в конечном счёте, правосознания. На начало 2025 года в России находилось свыше 6,5 млн иностранцев, примерно десятая часть из них — нелегалы [9]. При этом значительная часть мигрантов прибывает из государств Центральной Азии, где доминируют исламские культурные коды. Подобные сдвиги неизбежно ставят вопрос о совместимости традиционных конституционных ценностей принимающего общества с практиками и убеждениями новых членов правового сообщества.

Особенно остро эта проблема проявляется в возникновении так называемых «параллельных правовых порядков» — неформальных систем нормативного регулирования, функционирующих внутри мигрантских общин и основанных на религиозных или обычных нормах. Ярким примером являются шариатские советы в Великобритании и Германии, которые, не обладая юридической силой, фактически разрешают семейные, имущественные и даже уголовные споры в рамках исламского права. Хотя такие практики формально не противоречат национальному законодательству, если не нарушают публичного порядка, они создают риски фрагментации правового пространства и подрывают монополию государства на правоприменение. Полагаем, что признание культурного многообразия не должно

приводить к легитимации норм, противоречащих основополагающим принципам прав человека, закреплённым в конституции. В российском контексте подобные явления пока носят локальный характер, однако в регионах с высокой концентрацией мигрантов, таких как Москва, Санкт-Петербург или Краснодарский край, уже фиксируются случаи обращения к неформальным арбитражам на основе этнических или религиозных норм, что требует внимания со стороны правоприменительных органов и конституционной доктрины.

Одним из ключевых вызовов, порождаемых миграцией, становится проблема «конституционной лояльности» [\[10\]](#) — категории, означающей готовность индивида признавать и соблюдать основные принципы конституционного строя, даже если они противоречат его личным убеждениям. В отличие от традиционного понятия лояльности, связанного с гражданством, конституционная лояльность распространяется и на неграждан, поскольку именно она обеспечивает минимальную степень правовой интеграции в конституционное сообщество. Однако требование такой лояльности сталкивается с трудностями операционализации: как измерить готовность мигранта к признанию светского характера государства, равенства полов или недопустимости дискриминации по признаку сексуальной ориентации, если эти принципы отсутствуют или прямо отвергаются в его культурной традиции? В Германии эта проблема была формализована через введение обязательных «курсов интеграции», включающих тестирование знаний Grundgesetz (Основного закона), однако эффективность такого подхода остаётся предметом дискуссии. Российская практика, напротив, пока не содержит чётких механизмов оценки конституционной лояльности, ограничиваясь формальными требованиями к знанию языка и истории, что не обеспечивает глубинной интеграции мигрантов в конституционное пространство России [\[11, с.11\]](#).

Под давлением миграционных процессов конституционная идентичность — категория, введённая в оборот европейской доктриной и получившая развитие в решениях Конституционного Суда РФ (Впервые оно было использовано в постановлении Конституционного Суда от 14 июля 2015 года № 21-П, а затем в постановлении от 16 апреля 2016 г.) — всё чаще становится объектом политической инструментализации. Первоначально понимаемая как совокупность неизменяемых ценностей, составляющих «ядро» конституционного строя, она постепенно трансформируется из правовой категории в инструмент мобилизации общественного мнения и легитимации ограничительной миграционной политики. Восприятие миграции как «культурной инвазии», распространённое в дискурсе правых популистских партий в Европе и активно транслируемое в некоторых российских медиа, способствует формированию образа мигранта как угрозы национальной идентичности.

Этот дискурс находит своё отражение в законодательных инициативах и судебной практике. Так, во Франции запрет на ношение религиозных символов, включая хиджаб, в государственных школах, закреплённый Законом от 15 марта 2004 года, мотивировался необходимостью защиты светского характера образования как элемента национальной идентичности. Аналогичным образом, в Швейцарии на референдуме 2009 года был принят запрет на строительство новых минаретов, что Конституционный суд страны, несмотря на критику со стороны ЕСПЧ, сочёл совместимым с принципами демократии и национальной идентичности. В России дискуссии о «традиционных духовно-нравственных

ценностях», закреплённых в преамбуле Конституции РФ в результате поправок 2020 года, также используются для обоснования ограничений в отношении мигрантов, чьи культурные практики рассматриваются как несовместимые с этими ценностями. Как следствие, конституционная идентичность рискует превратиться в идеологический экран для дискриминационных мер, если её содержание не будет строго связано с универсальными конституционными принципами, а не с политически конъюнктурными представлениями о «народном духе».

Эти процессы порождают острые правовые коллизии, в которых сталкиваются фундаментальные конституционные принципы. Первая из них — конфликт между правом на свободу совести и религиозные убеждения, с одной стороны, и принципом светскости государства — с другой. В деле «S.A.S. v. France» (2014) Европейский суд по правам человека признал совместимым с Конвенцией запрет на ношение никаба в общественных местах, сославшись на необходимость «жизни в обществе» и защиту прав других лиц, однако это решение вызвало резкую критику со стороны правозащитных организаций и ряда судей ЕСПЧ, указавших на дискриминационный эффект такого запрета. Вторая коллизия возникает между правом на уважение частной и семейной жизни (ст. 8 Конвенции о защите прав человека) и требованиями миграционного контроля. Практика многих государств, включая Россию, предусматривает строгие ограничения на воссоединение семей мигрантов, особенно в случае нелегального пребывания одного из супругов. Третья коллизия — напряжение между принципом равенства и требованиями культурной дифференциации. С одной стороны, конституции большинства демократических государств запрещают дискриминацию по признаку происхождения или вероисповедания; с другой — признание культурного многообразия может требовать предоставления особых прав или исключений для отдельных групп. В этом контексте особенно актуален вопрос о том, допустимо ли, например, применение гибких подходов к трудовому праву в отношении мигрантов, соблюдающих религиозные предписания (например, отказ от работы в определённые дни или ограничения в отношении смешанного общения полов). Как показывает анализ практики Верховного суда Великобритании по делу «Begum v. Headteacher and Governors of Denbigh High School» (2006), даже в государствах с развитой доктриной мультикультурализма границы культурной дифференциации строго ограничены интересами общественного порядка и прав других лиц. В российской правовой системе подобные вопросы пока не получили системного разрешения, что создаёт правовую неопределённость и риски произвольного правоприменения.

Институциональные стратегии адаптации конституционных систем к миграционным вызовам

Одной из центральных институциональных фигур в процессе адаптации конституционных систем к миграционным вызовам выступают конституционные (верховные) суды, которые всё чаще берут на себя функцию не только толкователей, но и архитекторов конституционного компромисса между правами мигрантов и сохранением основ национального правопорядка. В условиях, когда законодательная власть склонна к популистским ограничениям, а исполнительная — к усилению миграционного контроля, судебная власть становится ключевым гарантом баланса. Особенно показательна в этом контексте практика так называемого «конституционного диалога» — стратегии, при

которой национальные суды сознательно вступают в интерпретационное взаимодействие с международными органами, в первую очередь с Европейским судом по правам человека и Комитетом ООН по правам всех трудящихся-мигрантов и членов их семей.

Такой диалог не предполагает слепого следования международным решениям, но предполагает их критическое усвоение в рамках национальной конституционной системы. Например, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 6 октября 2022 г. N 41-П, касающемся ограничений на въезд и выезд из России иностранных граждан, суд подчеркнул необходимость индивидуализированного подхода к оценке миграционных рисков и недопустимость автоматических запретов, нарушающих право на уважение семейной жизни. Подобные решения демонстрируют, что КС РФ, несмотря на декларируемый приоритет национального законодательства, всё чаще использует международные стандарты как инструмент сдерживания чрезмерного административного усмотрения. В то же время Суд последовательно отстаивает границы конституционного порядка, отказывая, например, в признании права на получение гражданства как безусловного конституционного права (Определение от 11 февраля 2021 г. N 183-О), что отражает его стремление к сохранению суверенитета в вопросах определения состава политического сообщества.

Важнейшим методологическим инструментом, позволяющим конституционным судам осуществлять такую балансировку, становится разработка и применение тестов пропорциональности и «конституционной совместимости». Тест пропорциональности ^[12], заимствованный из германской конституционной доктрины и адаптированный в российской практике, требует от законодателя и администрации обоснования любой меры, ограничивающей права мигрантов, по трём критериям: пригодности (пригодна ли мера для достижения заявленной цели), необходимости (нет ли менее ограничительной альтернативы) и соразмерности в узком смысле (не превышает ли ущерб от ограничения допустимого предела). Понятие «конституционной совместимости», в свою очередь, используется для оценки того, насколько иностранные правовые нормы или практики могут быть инкорпорированы в национальную систему без ущерба для её основ. Этот подход особенно актуален при рассмотрении вопросов, связанных с признанием иностранных судебных актов или религиозных обычаев.

Помимо судебной власти, адаптация конституционных систем к миграции осуществляется через законодательные и административные механизмы, направленные на управление процессами интеграции. Наиболее распространённой формой являются интеграционные программы, включающие обязательные курсы языка, истории и конституционных основ. В Германии такие курсы были введены в 2005 году в рамках Закона об иммиграции и стали обязательным условием получения вида на жительство. Аналогичные программы существуют в Нидерландах, Франции и Канаде, однако их содержание и степень обязательности варьируются. В России подобные меры носят фрагментарный характер: с 2015 года иностранные граждане обязаны сдавать экзамены по русскому языку, истории и основам законодательства РФ для получения разрешения на временное проживание, однако, как уже было указано, эффективность этих экзаменов в плане реальной интеграции остаётся низкой из-за формального подхода к подготовке и отсутствия последующей поддержки. Второй важный механизм — градуированные режимы правового статуса, предполагающие поэтапное расширение прав мигранта по мере его

интеграции: от временного пребывания с минимальными гарантиями до постоянного проживания и, в конечном итоге, гражданства. Такая модель позволяет избежать как преждевременного предоставления полного объёма прав, так и хронической маргинализации мигрантов. В Канаде, например, временные работники могут через два года подать заявление на постоянное проживание, а затем — на гражданство, при условии соблюдения языковых и налоговых требований. В России подобная градуировка формально существует, однако на практике бюрократические барьеры и длительные сроки оформления документов часто приводят к тому, что мигранты десятилетиями остаются в статусе «временных», что создаёт риски социальной изоляции и правовой уязвимости.

Особое место в институциональной адаптации занимает формализация требований «конституционной лояльности» как условия получения гражданства. В отличие от традиционных критериев (проживание, язык, доход), конституционная лояльность предполагает не просто знание, но и признание основ конституционного строя. В Германии это выражено в требовании отказа от практик, противоречащих Grundgesetz, таких как многожёнство или гендерная дискриминация [\[13\]](#). В США кандидаты на гражданство должны пройти объективный устный тест по гражданскому образованию (civics test), включающий вопросы о принципах демократии и верховенства права. В российском законодательстве прямого аналога нет, однако в Федеральном законе «О гражданстве РФ» от 2023 года появилась присяга гражданина РФ, в которой определена обязанность «быть верным России, уважать ее культуру, историю и традиции», что и может быть интерпретировано как элемент конституционной лояльности.

Сравнительный анализ национальных стратегий выявляет существенные различия в подходах к интеграции мигрантов. Канадская модель, основанная на официальной политике мультикультурализма, закреплённой в Законе о мультикультурализме (Canadian Multiculturalism Act). 1988 года, делает ставку на инклюзивное гражданство, при котором культурное разнообразие рассматривается как национальный ресурс, а не угроза. Гражданство в Канаде понимается не как выражение этнической принадлежности, а как правовой статус, основанный на общих ценностях прав человека и демократии. Германская модель, напротив, опирается на концепцию «конституционного патриотизма», разработанную J. Habermas [\[14\]](#), согласно которой интеграция строится не на этнической или культурной идентичности, а на приверженности принципам свободной и демократической конституции. Эта модель позволяет интегрировать мигрантов без требования ассимиляции, но требует чёткого разграничения между частной сферой (где допускается культурное многообразие) и публичной (где доминируют конституционные нормы). Российская модель, сформировавшаяся в последние десятилетия, акцентирует внимание на «традиционных духовно-нравственных ценностях» и «историко-культурной общности», что, с одной стороны, создаёт основу для идентификации с государством, но с другой — несёт риски исключения тех мигрантов, чьи ценности не совпадают с официально утверждённой трактовкой традиций. Как показывает анализ миграционной политики особенно в регионах Северного Кавказа и Поволжья, где сосуществуют множественные религиозные и этнические идентичности, такой подход может усиливать социальную поляризацию [\[15\]](#).

Таким образом, международный опыт свидетельствует о том, что институциональные стратегии адаптации находятся в постоянном напряжении между двумя полюсами: инклюзией и сегрегацией, адаптацией и ассимиляцией. Инклюзия предполагает признание различий и создание условий для равного участия мигрантов в общественной жизни; сегрегация — их изоляцию в геттоизированных сообществах. Адаптация допускает взаимное изменение как принимающего общества, так и мигрантов; ассимиляция требует полного подчинения культурным нормам большинства. Выбор между этими полюсами не является чисто техническим, а отражает глубинные конституционные установки государства. При этом успешная интеграция невозможна без признания того, что конституция сама по себе должна быть объектом постоянного переосмысления в условиях миграционной трансформации. В этом смысле институциональные стратегии не просто реагируют на миграционные вызовы, но активно формируют содержание конституционного порядка будущего.

Теоретико-правовые и практические перспективы адаптивного конституционализма в миграционном контексте

Адаптивный конституционализм обладает потенциалом стать основой устойчивого правопорядка в условиях глубокой социальной трансформации, вызванной миграцией, поскольку он предлагает модель, способную одновременно сохранять идентичность и обеспечивать открытость. Традиционные конституционные системы, построенные на идее закрытого национального сообщества, сталкиваются с дилеммой: либо ужесточать границы идентичности, рискуя социальной поляризацией и нарушением международных обязательств, либо ослаблять их, что может привести к эрозии конституционного ядра. Адаптивный подход преодолевает эту дихотомию, предлагая не статичное «либо-либо», а динамическое «и-и»: конституция остаётся носителем устойчивых ценностей, но при этом допускает их интерпретацию в контексте новых социальных реалий. Следует признать, что устойчивость конституционного порядка в XXI веке измеряется не степенью его закрытости, а способностью к конструктивному включению новых субъектов без размывания нормативных основ. Эта устойчивость невозможна без активного участия гражданского общества и правового образования. Формирование так называемой «расширенной конституционной общности» — сообщества, включающего не только граждан, но и долгосрочно проживающих мигрантов, разделяющих приверженность основным конституционным принципам, — требует системной работы по повышению правовой грамотности и развитию гражданского диалога.

Для реализации потенциала адаптивного конституционализма необходимы конкретные нормативно-институциональные меры, направленные на предупреждение конституционных конфликтов и обеспечение правовой определённости. Одной из таких мер может стать развитие института конституционного мониторинга миграционной политики — систематической оценки соответствия миграционного законодательства и практики его применения основным принципам Конституции РФ. Такой мониторинг может осуществляться как Конституционным Судом РФ в рамках его правоприменительной деятельности, так и независимыми экспертными структурами при поддержке уполномоченных по правам человека. В Европейском союзе аналогичную функцию частично выполняет Агентство по основным правам (FRA), которое регулярно публикует отчёты о соблюдении прав мигрантов в государствах-членах. Внедрение подобного

механизма в России позволило бы выявлять системные нарушения на ранней стадии и корректировать законодательство до возникновения острых правовых коллизий.

Вторая рекомендация — создание механизмов «раннего предупреждения» конституционных конфликтов в миграционной сфере. Такие механизмы могут включать обязательную конституционно-правовую экспертизу всех законопроектов, затрагивающих права мигрантов, с участием представителей мигрантских сообществ, правозащитных организаций и научного сообщества. В Канаде подобная практика реализуется через институт «*impact assessment*», в рамках которого оценивается влияние законодательных инициатив на права уязвимых групп, включая мигрантов. В российских условиях подобный подход мог бы снизить количество спорных норм.

Третья рекомендация касается совершенствования правового статуса временно пребывающих иностранных граждан. Нынешняя система, основанная на строгом разграничении между гражданами и негражданами, не учитывает фактическую степень интеграции мигранта в экономику и общество. Введение дифференцированного подхода — например, предоставление расширенных социальных гарантий (доступ к медицинской помощи, образованию детей, защите от произвольного увольнения) мигрантам, имеющим длительный трудовой стаж и уплачивающим налоги, — позволило бы сблизить формальный статус с фактическим положением и снизить риски эксплуатации. Как показывает практика Верховного суда Индии в деле «*National Human Rights Commission v. State of Arunachal Pradesh*» (1996), даже в условиях ограниченных ресурсов государство обязано обеспечивать базовые конституционные гарантии всем лицам, находящимся под его юрисдикцией, независимо от их гражданства.

Перспективы развития концепта адаптивного конституционализма выходят за рамки текущих миграционных вызовов и связаны с новыми глобальными тенденциями, которые ещё не получили достаточного отражения в конституционной теории. Одной из таких тенденций является климатическая миграция — перемещение населения в результате экологических катастроф, повышения уровня моря или опустынивания. В отличие от традиционных мигрантов, они не подпадают под действие существующих международных режимов защиты (например, Конвенции 1951 года о статусе беженцев), что создаёт правовой вакуум. Адаптивный конституционализм может предложить основу для разработки новых правовых категорий, таких как «экологический мигрант с правом на временную интеграцию», с соответствующими гарантиями.

Вторая тенденция связана с цифровой мобильностью — ростом числа лиц, работающих удалённо из разных юрисдикций, не имея постоянного места жительства. Это ставит вопрос о том, может ли конституционная защита распространяться на лиц, не имеющих физического присутствия на территории государства, но вносящих вклад в его экономику через цифровые платформы. Третья тенденция — возможность формирования «транснациональной конституционной идентичности», основанной не на этнической или национальной принадлежности, а на общих ценностях прав человека, демократии и устойчивого развития. Такая идентичность уже в зачаточной форме проявляется в практике Европейского суда по правам человека, который последовательно формирует общее правовое пространство, трансцендентное национальным границам. Однако её

реализация требует не только судебной, но и политической воли к международному сотрудничеству. В этом контексте особую роль может сыграть выработка общих стандартов адаптивного конституционализма на региональном уровне — в рамках Совета Европы, СНГ или АСЕАН. Это, полагаем, исходит из того, что будущее конституционализма — не в изоляции, а в диалоге между правовыми системами, стремящимися к совместному решению глобальных вызовов. Такой диалог не предполагает унификации, но создаёт условия для взаимного обогащения и выработки устойчивых моделей правового управления миграцией в условиях неопределённости.

Заключение

Таким образом, адаптивный конституционализм выступает не как опциональная теоретическая конструкция, а как необходимая эволюция классической модели конституционализма, обусловленная глубинными трансформациями, вызванными современными миграционными процессами. В условиях, когда миграция перестала быть временным явлением и стала структурным фактором социального и правового развития, конституционные системы сталкиваются с необходимостью переосмысления своих основополагающих категорий — народного суверенитета, гражданства, правового статуса личности и пределов правового плюрализма. Классическая модель, основанная на идее гомогенного национального сообщества и закрытой иерархии норм, оказывается неспособной обеспечить устойчивость правопорядка в условиях культурного, религиозного и правового разнообразия. Адаптивный конституционализм предлагает альтернативу: он сохраняет конституционную идентичность не через исключение и закрытие, а через гибкое включение и конструктивный диалог с новыми социальными акторами, включая мигрантов. Эта модель не отрицает суверенитет или иерархию, но переосмысливает их как динамические институты, способные к самообновлению без утраты нормативного ядра. В этом смысле адаптивный конституционализм представляет собой не ослабление, а укрепление конституционного порядка, поскольку он повышает его легитимность за счёт инклюзивности и способности к рефлексии.

Институциональные стратегии адаптации, разрабатываемые в ответ на миграционные вызовы, должны соответствовать трём ключевым требованиям: быть сбалансированными, недискриминационными и основанными на принципах верховенства права. Баланс означает, что ни права мигрантов, ни конституционные основы государства не могут быть абсолютизированы; вместо этого требуется поиск пропорциональных решений, учитывающих как индивидуальные права, так и общественные интересы. Недискриминационность предполагает, что любые различия в правовом статусе должны быть обоснованы объективными и разумными основаниями, а не произвольными или идеологическими соображениями. Верховенство права требует, чтобы все меры в миграционной сфере были предсказуемыми, прозрачными и подконтрольными независимым судебным органам. Практика Конституционного Суда Российской Федерации демонстрирует стремление к соблюдению этих принципов, однако системная реализация остаётся задачей будущего. Важно подчеркнуть, что адаптация не означает уступки популистским настроениям или игнорирование реальных социальных трендов; напротив, она предполагает ответственное управление сложностью через правовые, а не политические механизмы.

Теоретическая значимость настоящего исследования заключается во внесении вклада в развитие трёх взаимосвязанных областей: теории конституционного права, миграционного права и прав человека. Развитие концепта адаптивного конституционализма в российской доктрине позволяет преодолеть устоявшуюся дихотомию между национальным суверенитетом и универсализмом прав человека, предлагая вместо неё модель синтеза через институциональную гибкость. Это открывает новые горизонты для анализа таких категорий, как конституционная идентичность, народный суверенитет и правовой статус неграждан.

Практическая значимость выражается в конкретных предложениях по совершенствованию законодательства, судебной практики и государственной миграционной политики. К ним относятся: введение обязательной конституционно-правовой экспертизы миграционных законопроектов, развитие института конституционного мониторинга, дифференциация правового статуса мигрантов в зависимости от степени их интеграции, а также формализация требований конституционной лояльности как условия получения гражданства. Эти меры могут быть реализованы не только в России, но и в других странах, сталкивающихся с аналогичными вызовами, особенно в постсоветском и европейском правовом пространстве.

Настоящее исследование также обозначает ряд направлений для дальнейших научных изысканий:

Во-первых, требует углублённого анализа влияние миграции на федеративные и региональные конституционные модели. В многонациональных государствах, таких как Россия, Индия или Нигерия, миграционные потоки могут по-разному воздействовать на центральные и региональные уровни власти, порождая конфликты компетенций и различия в подходах к интеграции. Например, в республиках Северного Кавказа или Татарстане миграционная политика может учитывать местные этнокультурные особенности, что создаёт риски фрагментации единого правового пространства.

Во-вторых, необходимо исследовать роль местного самоуправления в интеграции мигрантов. Как показывает опыт городов - «мигрантских хабов» — таких как Берлин, Торонто или Москва, — именно муниципальные власти часто первыми сталкиваются с практическими проблемами интеграции и разрабатывают инновационные решения в области образования, здравоохранения и социальной поддержки. Однако в большинстве государств, включая Россию, полномочия местного самоуправления в миграционной сфере крайне ограничены, что снижает эффективность интеграционных мер.

В-третьих, требует этико-правового осмысления феномен «конституционной фильтрации» — практики отбора мигрантов на основе их предполагаемой совместимости с конституционными ценностями. Хотя такие механизмы, как тесты на знание конституции или интервью на «конституционную лояльность», широко применяются в Германии,

Канаде и Австралии, они несут в себе риски субъективизма, культурного империализма и нарушения права на недискриминацию. Эти и другие вопросы требуют междисциплинарного подхода, сочетающего конституционно-правовой анализ, социологические исследования и сравнительную методологию, что открывает широкие перспективы для дальнейшего развития теории адаптивного конституционализма в условиях глобальной миграционной трансформации.

Библиография

1. Grimm D. The Achievement of Constitutionalism and its Prospects in a Changed World / D. Grimm // *The Twilight of Constitutionalism?* / ed. by P. Dobner, M. Loughlin. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – P. 3-23. – (Oxford Constitutional Theory).
2. Поярков С.Ю. Адаптивный конституционализм: концептуальные основания и институциональные механизмы в условиях политико-правовой турбулентности // *Административное и муниципальное право*. 2025. № 3. С. 67-85. DOI: 10.7256/2454-0595.2025.3.74695 EDN: OYYMQE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74695
3. Schmitt C. *Verfassungslehre* / C. Schmitt. – München : Duncker & Humblot, 1928.
4. Dyzenhaus D. The Old Commonwealth Model of Constitutionalism / D. Dyzenhaus. – New York : NYU School of Law, 2021. – (NYU Law Working Paper).
5. Tribe L. *American Constitutional Law* / L. Tribe. – Westbury, NY : Foundation Press, 1978. – 1204 p.
6. Walker N. The Idea of Constitutional Pluralism / N. Walker. – Florence : European University Institute, 2002. – 50 p.
7. Kumm M. The Jurisprudence of Constitutional Conflict: Constitutional Supremacy in Europe before and after the Constitutional Treaty / M. Kumm // *European Law Journal*. – 2005. – Vol. 11, № 3. – P. 262-307.
8. Peters A. The Merits of Global Constitutionalism / A. Peters // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. – 2009. – Vol. 16, № 2. – Art. 2.
9. Соколов А. Долгожданный указ [Электронный ресурс] // *Столетие.ru*. – 2025. – URL: https://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/dolgozhdannyj_ukaz_126.htm (дата обращения: 05.04.2025).
10. Gutmann J. Measuring constitutional loyalty / J. Gutmann, R. Sarel, S. Voigt // *Public Choice*. – 2025. – Vol. 205. – P. 1-18.
11. Социальная и культурная адаптация и интеграция иностранных граждан в Российской Федерации : материалы "круглого стола" (22 марта 2023 г.). – М. : Издание Государственной Думы, 2024. – 80 с.
12. Булатов Р. Б. Принцип пропорциональности и его тестовые критерии / Р. Б. Булатов, А. С. Михасев // *Административное право и процесс*. – 2024. – № 11. – С. 21-24. DOI: 10.18572/2071-1166-2024-11-21-24 EDN: CIBZER.
13. Hofhansel C. The Waxing and Waning of Loyalty in German Citizenship / C. Hofhansel // *German Politics*. – 2021. – Vol. 32, № 3. – P. 1-18.
14. Habermas J. *Die postnationale Konstellation: Politische Essays* / J. Habermas. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1998. – 272 S.
15. Дмитриев А. В. Конфликтогенность миграции: теоретические и практические проблемы / А. В. Дмитриев // *Социологическая наука и социальная практика*. – 2015. – № 1 (09). – С. 16-29. EDN: TKAGEZ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, адаптивный конституционализм в условиях миграционной трансформации. Автор сосредоточил внимание на анализе соответствующих вызовов национальной идентичности и институциональных стратегий адаптации к ним. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта. Ее составляет междисциплинарный подход, объединяющий конституционно-правовой анализ, сравнительно-правовой метод, элементы социологического исследования правосознания и доктринальную интерпретацию. Также ученым осуществляется анализ международных и региональных стандартов в области миграции.

Избранная автором тема исследования, несомненно, актуальна, и обосновывается им достаточно подробно. Современные беспрецедентные миграционные вызовы национальной идентичности порождают необходимость разработки стратегий адаптации к ним. Требуется концептуальный пересмотр основ конституционной теории, включая категории народного суверенитета, правового статуса личности и пределов правового плюрализма. Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем.

Научная новизна работы заключается в разработке концепта «адаптивного конституционализма» как теоретико-нормативного ответа на вызовы, порождаемые, в том числе, и миграционной трансформацией. Автор понимает адаптивный конституционализм как динамическую модель, способную к институциональной и содержательной эволюции под воздействием внешних и внутренних факторов, включая миграцию. Также ученый развивает теорию правовой идентичности, интегрируя её с миграционным правом и конституционной теорией. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, определяет его научную новизну, цель, задачи и методологию. В основной части работы автор описывает эволюцию концепта адаптивного конституционализма, анализирует миграционную трансформацию как вызов национальной и конституционной идентичности, рассматривает институциональные стратегии адаптации конституционных систем к миграционным вызовам, определяет перспективы адаптивного конституционализма в миграционном контексте. В заключительной части работы содержатся выводы и предложения по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 15 источниками (монографиями, научными статьями, аналитическими материалами), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной. Работа выполнена на достаточно высоком академическом уровне.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (O. W. Holmes, L. Tribe, N.

Walker и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами. Выводы по результатам проведенного исследования имеются, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Автором установлено, что адаптивный конституционализм выступает как необходимая эволюция классической модели конституционализма, обусловленная глубинными трансформациями, вызванными современными миграционными процессами. Миграция стала структурным фактором социального и правового развития. Как следствие, конституционные системы сталкиваются с необходимостью переосмысления своих основополагающих категорий — народного суверенитета, гражданства, правового статуса личности и пределов правового плюрализма. Адаптивный конституционализм сохраняет конституционную идентичность через гибкое включение и конструктивный диалог с новыми социальными акторами, включая мигрантов. Данная модель переосмысливает суверенитет и иерархию как динамические институты, способные к самообновлению без утраты нормативного ядра. В этом смысле адаптивный конституционализм способствует укреплению конституционного порядка, так как повышает его легитимность за счёт инклюзивности и способности к рефлексии. Ученым доказано, что институциональные стратегии адаптации, разрабатываемые в ответ на миграционные вызовы, должны соответствовать трём ключевым требованиям: быть сбалансированными, недискриминационными и основанными на принципах верховенства права. Автор дает следующие практические рекомендации: ввести обязательную конституционно-правовую экспертизу миграционных законопроектов, развивать институт конституционного мониторинга, дифференцировать правовой статус мигрантов в зависимости от степени их интеграции, а также формализовать требования конституционной лояльности как условие получения гражданства. Также ученым обозначены направления для дальнейших научных изысканий по исследуемой теме.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен, прежде всего, в сфере конституционного права, миграционного права, прав человека со стороны ученых, практикующих специалистов, обучающихся. Работа требует небольшой доработки во вводной части.